

Евгений Секерин

Рассказы

2016

Секерин Евгений Андреевич родился 27 октября 1938 года, в д. Булыгина Катайского района Курганской области. Детство его пришлось на самое трудное для страны время - время Великой Отечественной Войны. Среднюю школу закончил в г. Катайске.

Служил в Армии на Кольском полуострове в ПВО, радиотелеграфистом. После армии работал на Катайском насосном заводе, токарем. Закончил УПИ. Химфак в 1965 г.

Работал на Курганском заводе медицинских препаратов начальником смены. 20 лет проработал в Казанском Химическом Научно-исследовательском институте ведущим инженером, ведущим научным сотрудником. В настоящее время просто пчеловод. В свободное время от работ на пасеке, уверенный пользователь ПК и любитель писать воспоминания о прожитых годах жизни.

Воспоминания. О комсомольской стройке. г.Курган.

Было принято решение, как бы в помощь, при строительстве новых очередей завода организовать городской комсомольский штаб стройки. Возглавить этот штаб, было предложено мне. Я подумал, что такая общественная нагрузка неплохая площадка для карьеры и согласился. Тем более, что был сразу же повышен в должности. Из начальника смены был переведён на должность и.о. начальника вновь строящегося цеха по утилизации мицелия. Место работы ОКС (отдел капитального строительства). Разделил кабинет с юристом завода. Примерно через полгода с новыми обязанностями, как по основной, так и по общественной работе более, менее освоился. Взяли меня под свою опеку начальник УНР (управление начальника работ) и главный инженер ОКСа. Они были одного возраста и старше меня лет на 15-20. С ними мне часто приходилось сталкиваться при решении разных производственных вопросов. Кроме того нас сближало увлечение шахматами. Часто отдавали шахматам время и после работы. И вот, думая над каким-нибудь ходом, то один, то другой говорили: «Согласись Евгений, работа твоего штаба не на высоком уровне. Всё мелочёвка. Скажешь субботники. Подбирать мусор за другими. Если посмотреть более внимательно, то ваши субботники, лишь приносят вред, развращая тех, кто мусорит. Конечно, это выгодно горкому комсомола, которому завод за ваши субботники отчисляет деньги. А ваши молнии? Они бьют, мягко говоря, по мелкой дичи! Замахнитесь, в конце концов, на что-нибудь действительно стоящее. Например. Вот часто срываются сроки сдачи объектов. Объекты, всё равно сдаются, но сдаются с большими недоделками, которые потом исправляются годами. И зачастую исправляются за счёт уже самого завода. А кто виноват? Трест! Мало выделяет людей! А субподрядчики! Совсем обнаглели! Не соблюдают технологию работ.

Делают свои работы без всякой координации, как с генподрядчиком, так и с другими субподрядчиками. А кто и в этом виноват? Опять же трест! Ты, Евгений, «пропесочил» бы в своих молниях начальника треста! А ещё уведомил бы о недостатках при строительстве завода горком партии!». – Ну, ладно, «пропесочу», уведомлю, так вам же и попадёт, ведь именно вы конкретно отвечаете за всё, что здесь делается. – А ты за нас не беспокойся! Мы, как бы, варимся в общем котле. Иногда не видим из-за множества проблем то, что творится под «носом». А ваш штаб смотрит свежим взглядом и со стороны. Со стороны всегда виднее. В случае чего вас лишь побалагурят. Мы не себя! Мы за дело боеем! В конце концов, достали они меня! И вот, однажды, поздним зимним вечером с двумя свитками под мышкой отправился я в выше названные адреса. Трест. В приёмной начальника треста уборщица наводит порядок, самого же его уже нет. То, что его нет, это уже хорошо. И «молния» с критикой на двух листах ватмана в его адрес прикреплена на дверях кабинета. Далее путь лежит к горкому партии. Но, чем ближе горком партии, тем медленнее мои шаги. Я стал задумываться над последствиями своих действий. И решил: для начала хватит и треста! Облегчённо вздохнув, засунул свиток, предназначенный для горкома в сугроб. Главное началось на следующий день. Раз в неделю по стройке проводилась, так называемая, летучка. На ней присутствовали представители завода, генподрядчика и субподрядных организаций (30-35 человек). Решались текущие вопросы. Согласовывались работы и их сроки. На них всегда было много споров, претензий друг к другу. Проводил летучку обычно или начальник УНР или начальник ОКСа. Но, на этот раз прибыл провести летучку сам начальник стройтреста. Встав во главе стола и обведя взглядом аудиторию, он с высоты своего двухметрового роста произнёс: «Кто тут у нас комсомольский штаб?». Я встал. – Подойди-ка поближе. Погляжу на смельчака!». Я подошёл к другому концу стола. Какое-то время он смотрел на меня. Потом обратился к присутствующим. – Представляйте!

Захожу я сегодня в приёмную и вижу на дверях своего кабинета «молнию» на ватмане, превосходящую по длине мой рост. Ещё не прочитав текст в молнии, я подумал, каков же рост того человека, который крепил эту молнию. Я своим ростом горжусь, но тот, кто повесил «молнию», пожалуй, повыше меня будет! А когда прочитал текст на ватмане с критикой на меня, тут уж подумал. - Да, он не только высокий, но ещё и смелый! И мне захотелось посмотреть на этого комсомольца. И вот я здесь!». Говорил начальник не зло, а с удивлением! Тут он кинул свиток из ватмана на стол. Ватман сначала расстелился на столе почти во всю длину. Сверкнув на мгновение чёрными и красными красками, он начал сворачиваться в свиток, но менее компактный. Окончательно свиток утвердился, слегка подрагивая, в центре стола. Пока свиток сворачивался, все смотрели: то, на двухметрового гиганта на одном конце стола, то на меня в полтора раза ниже гиганта на другом конце стола, то на ватман на столе между нами. Ситуация показалась комичной, и кто-то рассмеялся. Смешок ещё кто-то подхватил, и через некоторое время смеялись уже все. Смеялся и сам начальник треста. Успокоившись, начальник обратился ко мне: «Нет ещё в тебе чувства самосохранения. Да, и сдаётся мне, что не сам ты до такого додумался! Подсказали?! Ладно, садись. Начнём работать!». После планёрки мои друзья сразу же прибежали ко мне. – Ну, Евгений, ты шуток не понимаешь. А в «другое место» тоже ходил. – А как же, обязательно. – Что скажешь, если вызовут? – Так и скажу, старшие товарищи посоветовали! Тут мои «старшие товарищи» не на шутку обеспокоились. И так, и сяк ко мне. Жалко мне их стало: «Да, успокойтесь уж! Скажите спасибо, что не хватило духу у меня! Идём сегодня в ресторан: снимать стресс! Платите, естественно, вы!». Впоследствии, хоть мы и по-прежнему дружили, они ничего такого мне не предлагали. Всегда поглядывали на меня с опаской. Начальник УНР получил нагоняй от начальника треста, а мы с главным инженером ОКСа получили нагоняй от главного инженера завода!

ЧП в Катайске

"Февраль 1952 года. Я учусь в пятом классе в семилетней школе, здание которой находится на улице Ленина, в то время рядом с проходной насосного завода. После очередной крупной ссоры мать решилась на уход от отчима, а пока, суть да дело, отправляет меня жить снова в с.Никитинское к своей старшей сестре. В этом селе была только начальная школа, и мне пришлось каждый день бегать на учёбу в соседнее с.Ушаковское. Ушаковское находится между Катайском и Никитинским. От Катайска до Ушаковского 8км., а от Ушаковского до Никитинского 4 км. В тот печальный для Катайска день в 9 часов утра, перед занятиями, учеников Ушаковской школы построили в длинном коридоре, чтобы отметить команду лыжников школы, отличившуюся накануне, в воскресенье, в соревнованиях на первенстве района. Ученики стояли лицами к окнам, а учителя стояли перед учениками, спинами к окнам. Ровно в 9 часов, когда директор школы только начал читать поздравления, раздался сильный гром, похожий на взрыв. Вслед за звуком задребезжали стёкла в окнах. Все кинулись к окнам смотреть, что же случилось на улице. Смотрели на небо. Может быть, упал самолёт. Или, может быть, упала бомба с самолёта. Но было всё вроде бы тихо и спокойно, и директор продолжил читать своё поздравление. Но тут раздался новый гром, превосходивший звуком первый в десяток раз. Школу, как бы всколыхнуло. Полетели со стен портреты и рамы с инструкциями, с расписаниями. Вылетели внутрь коридора на учителей и школьников оконные рамы, осыпав их градом осколков разбившихся стёкол. На лицах некоторых учителей и школьников появилась кровь. Началась паника, давка. Все с криками кинулись на улицу. В стороне на Катайск был виден высокий столб дыма. Там явно что-то взорвалось. Поползли всякие слухи и предположения. Одним из слухов было, что Катайска вообще больше нет. Катайск каким-то взрывом сметён с лица земли. Занятия отменили.

Хорошо помню вечер этого дня. Я лежал на печке. Тётка и её муж управлялись по хозяйству, делали свои вечерние дела, а я, лёжа на печке, тихо глотал слёзы, думая, жива ли моя мать, в этом Катайске, и почему она так долго не приезжает сюда, ведь я здесь живу уже больше месяца. Как оказалось далее с матерью всё в порядке, она помирилась с отчимом, и меня вернули в прежнюю мою школу, в прежний класс. Мои одноклассники наперебой делились со мной тем, что же с ними произошло, и что же они пережили в то утро. Некоторые из них показывали на своих лицах, уже зарубцевавшиеся шрамы. Рассказов о взрывах было море. Сейчас по истечении более 59 лет я постараюсь на основании этих рассказов и на основании того, что сам видел воспроизвести события того утра и последующих событий. Около 9 часов утра со стороны Каменск-Уральского к Катайску подходил товарный состав. В нескольких вагонах состава находились взрывчатые вещества, а, может быть, и какие-нибудь снаряды. Насчёт снарядов, точно не могу сказать, но точно могу сказать про артиллерийский порох. Это, как бы темные палочки диаметром около 0,5 см. и длиной 1,5-2 см. с очень тонкими отверстиями по длине. Этих артиллерийских палочек было разбросано по всему городу и его окрестностям в большом количестве. По какой-то причине загорелся один из вагонов. Может быть, это был тот вагон, в котором ехала охрана, сопровождающая военный груз. Как бы то ни было, но загорелся и один из вагонов с опасным грузом. Вот состав по очень высокой насыпи подходит к мосту через маленькую речушку Катайка, впадающую через 1,5-2 км в Исеть. Внизу, за мостом по правую сторону от железной дороги, расположена деревня, примыкающая далее непосредственно к городу. Но, город лежит гораздо выше деревни. И за мостом высокая насыпь через 0,5 км исчезает и железная дорога идёт на одном уровне с городом. Через 1,5-2 км. от моста переезд, а ещё через 1,5 км и станция. Вагоны с опасным грузом прошли через мост, и ещё на высокой насыпи произошёл первый взрыв. Взрывная волна прошла над деревней, не причинив ей большого вреда, но уже

затронула сам город. Вагоны состава свалились под насыпь в сторону города. Быстро среагировала на первый взрыв пожарная команда города. Они в считанные минуты по дороге на переезд оказались в районе взрыва. Не доезжая до опрокинутых вагонов метров 150-200, произошёл второй взрыв. Пожарная команда сразу вся погибла. На месте взрыва образовалась воронка диаметром более 20 метров и глубиной до 15 метров. В городе не оказалось в окнах ни одного целого стекла. В дома попадало то, что находилось в вагонах и то, что оставалось от вагонов, даже вагонные колёса. Было много раненых. Немного придя в себя, наиболее предприимчивые, кинулись на место взрыва, унося различные вещи, бывшие в вагонах и уцелевшие при взрыве. А груз был разнообразным: письменные и школьные принадлежности; детские игрушки; обувь; лезвия для бритвы; ковры; артиллерийский порох и многое другое. Потом, через неделю-две, милиция ходила по домам, стараясь изъять то, что было унесено с места взрыва, или подброшено по воздуху. Много ранений было оттого, что после первого взрыва люди кинулись к окнам, где их и накрыл второй взрыв. Не обошлось и без курьёзных случаев. Мой отчим работал на местном аэродроме, принимал "кукурузники", привозившими почту. Аэродром находился на высоком месте, горе, по названию "Тукман". И вот, самолёт сел, лётчик спускается на землю и тут перед ним падает ящик с ручными часами. А пасынок моего дяди, мой ровесник и друг, рассказывал. Он опаздывал в школу. На первый взрыв он не обратил особого внимания. Он очень торопился в школу и почти бежал. Когда произошёл второй взрыв, по его рассказу, он продолжал бежать, но вдруг заметил, что бежит уже по другую сторону дороги. Может быть, он и нафантазировал, не знаю, не могу утверждать. Но над этим потом мы долго смеялись. Много детей стало инвалидами после игр в войну с применением артиллерийского пороха. Летом в полях, на лугах мы находили таблетки с «сен-сеном» в упаковках, покорёженные линейки и т.д ".

Второй курс. Первый семестр. Наш базовый предмет – органическая химия. На кафедру выходит смуглый человек лет сорока огромных размеров в сером помятом костюме с тёмной рубашкой под пиджаком, без галстука. Это профессор, доктор химических наук М. Рафаиль Оганесович, очень колоритный человек, как внешне, так и внутренне. На нас студентов он производил неизгладимое впечатление, как своей внешностью, так и своим несколько свободным поведением. Большой рост, под 2 метра. Длинные руки. Большая голова с чёрными волосами, небрежно зачёсанными назад. Длинный нос. А главное на лице – глаза, горящие иногда каким-то внутренним фанатизмом. Спустя более 45 лет, я постараюсь представить, как он, на мой взгляд, читал свои лекции, а, главное, как он принимал экзамены. Начинал он лекции, обычно, вяловато. Он видел перед собой обычных студентов, людей, по его мнению, с небольшими мозгами. Ему явно было неинтересно и скучно втолковывать в наши головы давно известные истины. Ему было неинтересно говорить об органических кислотах, солях, альдегидах, кетонах и т.д. Ведь об этом всё давно известно и изложено в толстых книгах. Постепенно он начинал видеть в простых студентах, людей, равных ему, как по любви к предмету, так и по желанию постигать новое, ещё неизвестное. И постепенно он преображался. Постепенно он превращался просто в «демона». Глаза его горели. Речь становилась страстной. Он становился гипнотизёром. А мы превращались в кроликов перед пастью удава. И уходил он в своих лекциях далеко от того, чему он должен был учить нас. А говорил он о свободных радикалах, о механизмах реакций сложных веществ. Свободные радикалы, говоря просто, – это органические вещества, имеющие один свободный электрон. Благодаря этому, они очень реакционные, существуют доли секунды, находят такие же радикалы и образуют за счёт объединения свободных электронов новые соединения.

Выплеснув свои эмоции и, поняв, что он не на семинаре, и что перед ним люди, которые хотя и слушают его заворожено, но не понимают его, и он ненадолго затухает. Опустив плечи, как бы извиняясь, говорит, что всё, что он сказал в пылу, не надо записывать, что на самом деле всё это, может быть, и не так. Всё это ерунда. За время лекции он преображался по несколько раз. По несколько раз за лекцию вместо положенного материала мы выслушивали его мысли и идеи по этим чёртовым радикалам. В результате в наших головах была каша и предмет, вполне доступный нашему пониманию, превращался в предмет, который могут осилить только выдающиеся умы. Лекции, естественно, никто не в состоянии был записывать. Не записывал их и я. Я смотрел на Рафаила Оганесовича, как на великого артиста, который за час преображался по несколько раз. А в голове нет, нет, да и мелькнёт мысль, а ведь экзамен то не за горами. Как же буду сдавать его. Но вот и настал день, день сдачи экзамена по органической химии. Обычно, я сдавал экзамены в числе первых. Первым сдаёшь экзамен, идёшь в общежитие, поспишь пару часиков, возвращаешься обратно, чтобы узнать, как сдали экзамен остальные. Потом полдня развлечений. Аудитория, в которой проходил экзамен (309), была не совсем обычной. Из коридора несколько крутых ступеней вели к двери. За дверью находилась верхняя задняя часть аудитории. Внизу аудитории стоял стол, за которым сидел наш экзаменатор, Рафаил Оганесович. Когда я пришёл к двери аудитории, уже несколько человек стояло у неё без отметок в зачётной книжке, зато с двойками в ведомости. Не ожидая ничего хорошего, вытянул и я свой билет. В это время отвечала на свои вопросы Тамара Бурьян, невысокая хрупкая девушка из г. Березники. Р.О. возвышался глыбой над столом. Оперевшись локтем правой руки через голову Тамары на стол, он курил, держа в этой же руке папиросу. Тамара сидела, как бы, подмышкой у этого великана. А этот великан периодически обдувал её дымом и стряхивал пепел на её волосы. Пришла и моя очередь идти к этому столу.

Я шёл вниз к столу, а одновременно со мной, но по другому проходу, от стола уходила кверху аудитории, сдававшая экзамен до меня миниатюрная Яня Асташенок. Я сел за стол, а в это время вдруг срывается с места Рафаил Оганесович, и в два прыжка оказался у двери выхода из аудитории, но у него перед носом эта дверь захлопнулась и Яня оказалась в коридоре, не зная какой только что подвергалась опасности. Рафаил Оганесович вернулся к столу и недовольно буркнул в мою сторону: «Успела! Надо было ей тоже двойку поставить!». Долго не томил меня Рафаил Оганесович и я быстро выкатился с двойкой из аудитории, пополнив ряды неудачников. Результаты экзамена в пользу Рафаила Оганесовича и в пользу государственного бюджета: 22 неуда, и только четыре тройки. Конечно, свои двойки мы получили заслуженно. Но какая-то доля вины в этом лежит и на Рафаиле Оганесовиче: не надо было туманить наши мозги своими любимыми радикалами. Надо было просто читать лекции по курсу, не усложняя материал. Правда, нашлись на нашем потоке три студента, которые просто боготворили М. Это были Толя Децина, Валера Голяменских, Саша Ужегов. Они занимались у него в СНО (студенческое научное общество).

М. предполагал им в будущем стать по своему научному потенциалу академиками. Сейчас кто и кем стал известно. Децина учёный с мировым именем в области косметологии. Писатель и поэт. Ужегов сумел, работая на производстве, стать кандидатом наук. Не знаю, каких успехов достиг Голяменских в науке. Его, к сожалению, уже нет в живых.

Это был последний экзамен в сессии. Завтра сессия заканчивалась. И 22 студента остались без стипендии на весь следующий семестр. У многих стипендия, в том числе и у меня, была единственным источником существования. Из этого экзамена я сделал вывод и придумал, как сдавать, или, вернее, как не сдавать, последний экзамен в сессии, и, не рискуя стипендией, переносить его на следующий семестр.

После неудачного экзамена я пошёл в профком, выхлопотал бесплатную путёвку в дом отдыха на озере Шарташ, совсем недалеко от нашего общежития. Взял с собой 1ый том Чичибабина, наиболее популярный учебник по органической химии у студентов и несколько общих тетрадей. 12 дней я не вылазил из койки, полусидя, штурмуя Чичибабина, заполнив выписками из него 2-3 общих тетради. В голове всё стало ясно с этой органической химией, и сразу же после приезда из дома отдыха я без проблем сдал этот злополучный экзамен. Это был единственный прокол у меня за всю учёбу. В основном, у меня были только 4и5. А одну из сессий я сдал даже только на отлично. Так получилось, что в следующей сессии, уже весной, экзамен у М. тоже был последним. Конечно, я его перенёс по своему методу, на осень. Помню, сдавал я его на кафедре органической химий вместе со своей будущей женой Наташей Попко. Рафаил Оганесович дал нам вопросы, а сам ушёл куда-то на целый час. Вернувшись, он посмотрел на наши записи на листочках, и, не спрашивая, поставил оценки в зачётки. Уже в коридоре мы посмотрели их. Мне он поставил «хор», а Наташе «уд». Чем он руководствовался, когдаставлял такие оценки, мы так и не узнали. Эта оценка шла уже в приложение к диплому и чуть позже Наташа пересдала экзамен тоже на «хор». Пару слов про «метод».

В критические моменты я использовал такую практику. В конце сессии перед последним экзаменом в положительном исходе, которого я сомневался, накануне, вечером, выпивал бутылку вина, а утром шёл в поликлинику к невропатологу, чтобы получить бюллетень (повышенное давление) на три дня. Экзамен не сдавал, так как был больной, а через два дня сессия заканчивалась, и экзамен автоматически переносился на следующий семестр. Таким образом, спасалась стипендия. Впоследствии с невропатологом (молодой женщиной) я нашёл общий язык и, чтобы получить бюллетень, мне не обязательно накануне нужно было напиваться. А. Децина в своей книге «Синдром пигмеев» о М. пишет очень тепло. И это правильно. М. очень хорошо относился к своим «вундеркиндам», к своим ученикам.

Он им всячески помогал. А. Децина у него работал в качестве лаборанта. А это были, хоть и небольшие, но деньги. Другой пример. Помню, сдавали экзамен по философии. Экзамен принимала женщина, не переносившая на дух особей мужского пола. Об этом знали все, и редко кому удавалось из парней пройти её с первого захода. Почти все девушки уже сдали экзамен. Остались мы трое парней. Я, Саша Ужегов, Коля Бушмакин. Стоим в коридоре на физтехе перед дверью аудитории и думаем, как же её проскочить. А экзамен то, последний. Завтра сессия заканчивается. Не сдашь - прощай стипендия на весь следующий семестр. Предлагаю, идём в поликлинику. У меня там знакомый врач – невропатолог. Она нам даст бюллетени, а после лета, осенью, подготовимся основательно и спокойно сдадим экзамен. Ну, если не с первого раза, то со второго. Но, стипендия, то уже в кармане. Но, мои друзья по несчастью с понурыми головами пошли на заклание в аудиторию, а я побежал к своей спасительнице. Прихожу через два часа с бюллетенем в кармане, а мои друзья уже в коридоре без оценок в зачётах, но с двойками в ведомости. Саша Ужегов, стипендиат Курганского завода. Несмотря на двойку, завод всё равно выплачивал ему стипендию, и в этом случае он не пострадал. Как дальше развивались события. В новом семестре, мы, троица, приступили к подготовке к сдаче экзамена. Коля занимался с 8 часов утра до 6 часов вечера, обложившись ворохом книг. Я занимался с 10 часов до 4 часов вечера, листая лишь один учебник. Саша приходил в библиотеку к 12 часам, а около 2 часов уже смылся. И вот день экзамена. Его результат: у Коли «уд», у меня «хор», а у Саши опять «неуд». Саша ещё раз пытался сдать этот экзамен, но снова прокол. Грозило отчисление. И тут вмешался М.. Ведь Ужегов, один из его учеников. М. сам лично пришёл к зав. кафедрой по философии и попросил того самому принять экзамен у Ужегова. Объяснил, что Ужегов будущее светило по органической химии, но вот беда, что уж очень он стеснительный человек. Всё знает, но во время экзамена уж очень волнуется. Уж Вы с ним

поделикатней. Будет жаль, если органическая химия потеряет будущего яркого учёного. Впоследствии, уже сам Ужегов рассказывал, как проходил этот экзамен. Взял я билет и ужаснулся. В те разы, я хоть что-то, да знал. А на этот раз, я вообще ничего не знал ни на один вопрос. Но пару фраз по каждому вопросу я всё-таки приготовил. Едва я произнёс заготовленную фразу по первому вопросу, как зав. кафедрой, торопясь, произнёс: «Достаточно, вижу, ответ на первый вопрос Вы знаете. Переходите ко второму вопросу». Такая же ситуация повторилась и по второму и по третьему вопросам. Поставив «хор» зав. кафедрой сказал: «Не надо уж так сильно волноваться на экзаменах. Ведь преподаватели не звери. Не надо их так бояться». Вот так закончилась наша эпопея по философии. Ещё один эпизод с М., свидетелем которого я был лично. Р.О. отличался очень уж вольным поведением. И это касалось не только нас студентов. Как-то раз я зашёл в приёмную деканата. В одном коридоре с деканатом, через перегородку с дверью находились лаборатории. Я вышел из лаборатории и решил заглянуть в приёмную деканата, чтобы перекинуться парой фраз с секретаршей. Но, на месте секретарши сидела зам. декана Ж. и с кем-то разговаривала по телефону. Это была солидная респектабельная, несколько полноватая, дама, лет сорока. Я с ней сталкивался, когда нужно было отпроситься на соревнования. Я уже хотел выкатиться обратно в коридор, как Ж., положив трубку, обратилась ко мне. – Секерин, заходи, заходи. Как прошли соревнования? Не отстал ли ты из-за частых отлучек в учёбе? Я уже открыл, было, рот, чтобы что-то сказать ей в ответ. Но тут с шумом открылась входная дверь, и приёмную заполнил собой Р.О.. Создалось такое впечатление, что в приёмной не осталось свободного места. Не останавливаясь, Р.О. сразу сел на стол перед Ж., благо стол ему был по колено. Присев на стол, М. своей длинной правой рукой, похлопал солидную даму, зам. декана, которая в этот момент приподнялась со стула, по мягкому месту со словами: «Как жизнь молодая, Людка!». Вот такой был очень уж

неординарный наш преподаватель по органической химии. Мы от него в то время были в восхищении, несмотря на полученные двойки.

Его вольное поведение тоже ставили ему в заслугу. Что скажешь - действовал гипноз сильной личности!

Школа

Наш замечательный класс. Красивые, сначала девочки, потом, ещё более красивые девушки. Было желание обнять, каждую из них. На уроках я постоянно практически отсутствовал. Я блуждал в завитках волос впереди сидящей красавицы. Мой взгляд туманился. Тетрадка превращалась, как бы в экран, на котором я видел: я беру девочку (девушку) за руку и мы гуляем по берегу реки. Около нашей деревни объединяются две реки. Одна из них Исеть, другая Синара. Исеть - тёмная. Синара - светлая. Объединившись, они не сразу смешиваются. Так и текут они, некоторое расстояние двумя полосами: тёмной и светлой. Со стороны деревни берег крутой. Тут глубоко. На противоположной стороне - песчаная коса. Песок белоснежной чистоты. Сердце колотится! По мере перехода в старшие классы мысли становятся всё смелей. 8 класс - я завидую ветерку, который приподнимает подол платья девушки, обжигая её стройные ножки своим прохладным дыханием. 9 - класс. Девушка выходит из воды. На её теле искрятся капельки воды. Я завидую этим капелькам. Мне так хочется быть на их месте. Я знаю, что очень скоро этих капелек не будет. Они исчезнут под напором солнечных лучей. Я даже согласен разделить их судьбу! 10 класс - девушка видится мне уже обнажённой. Мы спускаемся к воде. Нам хочется на белоснежный песок. Я поддерживаю девушку на воде снизу. Её острые груди расчерчивают гладь воды, то, скрываясь, то, появляясь вновь на её поверхности. Когда ноги касаются дна, мы обнимаемся и целуемся. Вокруг никого. Течение относит нас туда, где тёмные и светлые струи перемешиваются окончательно, где две реки превращаются в одну. А над нами голубое небо. И вот! Школа позади! Очаровательные девушки «упорхнули»! А с ними «упорхнули», так и несбывшиеся мечты, побывать хоть с одной из них на берегах Исети! Уже позади и армейская служба в Заполярье. Сейчас я токарь на Катайском насосном заводе.

Но, всё-таки, юношеские мечты иногда сбываются. Я мечтал с красивой девушкой окунуться в речные волны Исети! И вот эта мечта сбылась. И что оказалось. Ожидание исполнения мечты даже приятнее, чем превращение этой мечты в реальность. А было это так. В раннее летнее утро, в выходной, решил приехать в свою деревню Никитино: навестить свою девушку Любу, которая по моим прикидкам должна была приехать из Каменск-Уральского на выходной к матери. Иду по улице. Навстречу, как раз, идёт её мать. – Здравствуй Фёдоровна! Любка приехала? - Приехала, поздно вечером. Спит ещё. - А можно я к вам зайду? - Иди, иди. Она тебе заготовила сюрприз! - Надеюсь, сюрприз приятный! - Почём знаю. Сами разбирайтесь. С волнением вбегаю на высокое крыльцо. Моя Любка вольготно распласталась на широкой кровати. Растолкав, уговорил её идти на речку купаться. По водной глади струился уже рассеивающийся утренний туман. Уже на песке спросил: «Тут мать говорила про какой-то сюрприз!?». – Из Верх-Ключей парень замуж зовёт! Вечером должна дать ответ. Что ты на это скажешь? Впрочем, не надо ничего говорить. Я и так знаю. Ты через неделю уезжаешь поступать в институт. Уверена, что поступишь! Там найдёшь себе другую девушку! И это наш последний прощальный день! Вот так, юношеская мечта сбылась, но не так романтично, как об этом думалось. Реалии жизни как то низводят свершившуюся мечту на более низкий уровень.

Течёт река

Исеть, Но, течёт и время. Как и предполагала моя девушка Люба, я поступил в институт. И, вот я уже дипломник! Наша дипломантская. Ауд. 306 на 3 этаже химфака. Вход в середине. Мой стол в самом правом углу от входа и поставлен так, что передо мной вся аудитория. Все у меня перед глазами. До начала защит около недели. У меня, в основном, всё закончено. Остались мелочи. В аудитории рабочая обстановка. Подумалось с грустью: совсем скоро мы все разъедемся, у всех начнётся новая, сейчас непредсказуемая жизнь, многих, может быть, уж не увижу никогда?! Я в Курган! А кого бы я хотел взять с собой из девушек в качестве спутницы жизни!? Вот все они, около 40-45 красавиц, перед моими глазами. Выбирай! Яня Асташенок. Миниатюрная, изящная! С очень нежным и милым личиком, обрамлённом красивой причёской из волнистых чёрных волос. Мои взгляды часто останавливались на ней с нескрываемой симпатией. Как то во время практики в Березниках (после окончания 1 курса) мы всей группой отправились отдохнуть с ночёвкой за Каму, на озёра. Рано утром, я и моя будущая жена (о чём в то время я и не догадывался) Наташа Попко, плавали по озеру на плоту недалеко от стоянки. При восходе солнца я крикнул так громко, как только мог: «Яня, ты самая красивая! Я тебя люблю!». Не знаю, слышал ли кто это, кроме Наташи. Но, все мои попытки ухаживать за Яней, ограничились только этими словами, произнесёнными громко ранним утром на озере, в туман. Лира Завьялова! Одна из самых красивых девушек, может быть, не только на нашем курсе. Пышные, гармоничные формы! Белое лицо, с румянцем! Глаза необычайной чистоты! На неё можно глядеть, любясь, часами. В то же время, несмотря на свою такую красоту, она держалась со всеми просто. На первом курсе я познакомился с пятикурсником с мехфака, мастером спорта по классической борьбе, который и пригласил меня в секцию борьбы, когда он замещал тренера, увозившего сборную института

на какие-то соревнования. Как вскоре оказалось, он был знаком с Лирой и ухаживал за ней. Несмотря на то, что он был красивый парень, не знаю причины, но их отношения не сложились. Как то, может быть, на втором курсе мы купались на озере Шарташ. Я, забывшись, загляделся на Лиру. Из такого состояния меня вывела Рита Блиначёва, девушка с недоверчивым колким взглядом, не чурающиеся острых выражений: «Что смотришь? Не по зубам она тебе!». Я отшутился, сказав, что загляделся на неё, как на произведение искусства, как на картину, ничего личного. Запомнились слова Лир: « Не слушай ты её!». Так я переводил свои взгляды с одной девушки на другую. Все они красивые, каждая хороша по-своему. Очень остроумная Валя Козлова. Я с ней любил общаться. В её обществе я сам себе казался таким умным. Рита Ершова. Быстрая, тонкая, самая весёлая и оптимистичная! Тома Бурьян! Да, что говорить! Были у меня девушки и на стороне. Женя, с которой когда-то я приехал на автобусе в Свердловск. Много других. Впрочем, зачем ехать в Курган с кем-то. Город, особенно завод, просто наводнены очаровашками! Но, о них в другой раз. А сейчас я далеко от реальности.

Опять мечты!

Опять образ несуществующей красавицы в моих мыслях! Образ в рамке облака, принёсшего нас к морю. ...Мы идём по берегу моря, выискивая место, где бы можно было присесть. Наконец, такое место было найдено. Прижавшись, друг к другу, мы смотрим вдаль. Смотрим туда, где море и небо соприкасаются, образуя общую линию. Смотрим туда, где, как нам кажется, образуются волны, которые непрерывной чередой двигаются к нашим ногам. Выбрасываясь на берег, они обдают нас запахом моря и мельчайшей водяной пылью. От каждой выбросившейся на берег волны мы вздрагиваем и ещё теснее прижимаемся друг к другу. Откатываясь назад в море, волны забирают с собой секунды наших жизней. Но, нам не жаль этих секунд! В этих секундах наши чувства! И волны, унося с собой наши секунды, вечны! А значит, будут вечны и наши чувства! И ночь, прошедшая на берегу моря под тёмным покрывалом неба, останется в памяти навсегда! ...От каких-то звуков я вернулся в реальность. Вспомнил, что выбор уже сделан! Через неделю после защиты – загс!"

Поездка в Ирбит. УПИ. Свердловск.

При дипломировании, где-то в середине апреля 1965г., наши силы вконец истощились. Требовалась передышка в занятиях. Мой друг Коля предложил: «А не съездить ли нам на пару дней в Ирбит. (Он там проходил практику). В 20 км. от Ирбита есть совхоз-техникум. Там живёт моя знакомая, работает учительницей в школе. Развеемся!» Немного подумав, я согласился с условием, если у его учительницы есть красивая подруга. Ответ Коли был прост: «Если подруги и нет, то там целый техникум красивых и молодых девушек. Мы нагрянем к ним в субботу. А в субботу в техникуме танцы. Мне кажется, провести время в обществе девушек проблем не будет». Проведя ночь в вагоне поезда, рано утром мы прибыли в Ирбит. Магазин. Закупили прилично водки и колбасы на закуску, надеясь, что всё остальное необходимое для застолья найдётся на месте. И вот начало дороги. Дорога грунтовая, вся в ямах, заполненных весенней талой водой. Впереди такой дороги 20 км. Пешком на 5-6 часов. Была надежда, что какая-нибудь попутная машина подберёт нас. Но, такая надежда улетучилась, как только первая машина догнала нас. Увидев наш призыв остановиться, шофёр поддал газу, обрызгав нас с головы до ног грязью с дороги. И так поступали все водители, догонявших нас машин. Ну, не нравились мы им. Далее мы и не пытались подымать с надеждой руки. А увидев догонявшую нас машину, заблаговременно сворачивали на обочину, но и это не спасало нас от очередной порции холодного душа. Дорога была очень узкой, а по бокам дороги глубокие канавы, также заполненные водой. И мы предпочитали душ из грязи, чем погрузиться по пояс в воду. Первый километр мы шли в большом унынии.

Проскальзывала мысль, а не лучше ли повернуть обратно, отогреться, а вечером напоезд, и домой. К счастью, этой мыслью мы не воспользовались. На нас нашло какое-то необъяснимое веселье. Мы беспрерывно смеялись над каждым нашим словом.

Сами себе казались очень остроумными. И 5 часов пути по смеси снега и воды показались нам лучшим времяпровождением от занятий. В совхоз вошли уже при свете фонарей. Увидев нас мокрых и грязных, учительница ахнула. – Откуда вы такие? – Не пустив нас дальше порога, она отправила нас в совхозную баню. Там мы отогрелись. И, может быть, эта баня спасла нас от неминуемой простуды, возможно, от воспаления легких. А дальше был накрытый стол и водка, согревшая наши тела окончательно. Разомлев, нам уж не хотелось никаких танцев. Но, окончательно придя в себя, мы всё-таки решились осчастливить местные танцы своим присутствием. И это чуть не обошлось нам боком. Отогретые баней и водкой мы повели себя несколько раскованно, что естественно не понравилось местным парням. Они чуть не наkostenали нам. Однако, мы во время почувствовали опасность и приняли своевременные меры для примирения. Я познакомился с очаровательной студенткой. Весь вечер танцевал с ней и проводил даже домой. Не знаю, был ли у неё парень. По крайней мере, никто ухаживать за ней не чинил препятствий. Проводив девушку, я вернулся в дом, в котором мы остановились. Учительница по просьбе Коли, пригласила свою подругу. Они посмеялись надо мной, что я увлёкся малолеткой. Почти до утра мы не спали. Играли в карты и пили водку! А утром мы уже на машине уехали, обратно, в Ирбит. До отхода поезда (около 11 вечера) оставалось время, и мы посмотрели в местном кинотеатре индийский фильм «Господин 420». Эти дни я с удовольствием вспомнил. Как вспомнил и многое, многое другое. Как весёлое, так и не очень. И казалось, что то-время, время учёбы в институте было очень счастливым. Хотя, в самом деле, было всякое. ...

Немного о грустном!

...Зимой, когда у них всё было нормально, он сравнивал её со снежинкой, прилипшей к его окну! Снежинкой прекрасной, и тёплой! А сейчас летом, когда они в ссоре, он грустит. ... СНЕЖИНКА, прилипшая зимой к моему окну, конечно, от солнечных лучей давно растаяла, превратившись вначале в капельку воды. Затем капелька воды испарилась, превратившись в отдельные молекулы, которые сейчас летают каждая сама по себе. И им уже не суждено никогда объединиться вновь! Им уже не суждено никогда образовать ту снежинку! Снежинку прекрасную, не холодную! Снежинку тёплую, греющую своим необыкновенным теплом моё сердце! Но, будет новая зима, и будет много новых снежинок, не менее прекрасных! И, возможно, одна из них вновь задержится на моём стекле! На новую снежинку, тоже прекрасную, я буду опять любоваться! Но, эта новая снежинка, она и есть снежинка! Она прекрасная, но она холодная! Она такая, какой и положено ей быть! От неё нет тепла для сердца! Она улетит, и я никогда о ней больше не вспомню! ...

Из писем к любимой..

...Моё сердце не хочет отпускать тебя! Впервые в жизни оно стало постоянным в своих пристрастиях. Что было до тебя? Особенно в студенческие годы! Оно, моё сердце, тогда было фактически проходным двором. Оно хотело любви, и искало её. Все женщины казались ему одинаково таинственными и прекрасными. И любая из них может завладеть им, сердцем, только пожелай. Но, к сожалению, такое впечатление исчезало почти сразу, как только открывались «обложка и первые страницы книги». Читать «книгу» дальше уже не было желания, а руки вновь тянулись к «полке», чтобы взять новую «книгу», «обложка» которой казалась такой заманчивой и многообещающей. Но, результат всегда был одинаков.

И я стал приходить к выводу, что любовь, это сказки! По крайней мере, это чувство не каждому даётся! И я, видимо, этим чувством просто обделён. И не надо больше искать любви, положишься на судьбу. Ни по одной женщине сердце никогда не болело. Ни о тех, с кем я сам расставался, ни о тех, кто бросал меня. Нет, ни одна женщина не оставила в моем сердце зарубки от боли. Я думал, что таких зарубок так и не будет. Приду на тот свет со «здоровым» сердцем. И тут совсем неожиданно появилась ты! Прекрасная, очаровательная, привлекательная! Умница! И моё сердце целиком заполнилось тобой! Я понял, что любовь существует, что любовь не сказки. И даже я не обделён обладать этим чувством! Любить – это, конечно, прекрасно! Любовь вдохновляет! Но, как быть с болью в сердце, когда любимый человек намерен покинуть его. И тут начинаешь думать. Что же лучше? Или совсем не познать любви, или познать её, но и познать всё то, что она приносит, в том числе и боль!

...Не успел я послать тебе письмо, как получил твоё! Нет, не ответное. Мы просто писали свои письма почти одновременно. Твоё письмо! Да, такое большое! Моей радости не было предела! Ты говоришь мне спасибо за мои письма к тебе! Говоришь спасибо за мою нежность и внимательность к тебе в этих письмах!

Но, в этих письмах отражается лишь сотая часть моих тёплых чувств к тебе, моей единственной! Осень, опять осень! Твои рассказы об осени я отлично помню. И ты права: эта осень действительно такая, как ты писала! Прекрасно быть в такое время вдвоем в лесу! Внизу уже ковёр из жёлтых листьев, а сверху ещё совсем зелёные шапки. Просто какое-то чудо: полное расслоение жёлтого и зеленого. Осень люблю больше всего. И даже не такую, как эту. Люблю осень, любую! Люблю её за то, что она приносит грусть. Не люблю конец августа, прозрачность его воздуха. Правильнее сказать, не люблю своё состояние в это время. В это время я хочу чего-то! А чего хочу, и сам не знаю!

Урок из детства. Катайск.

В седьмом классе я жил у дяди. У его жены было два сына моего возраста с разницей в один год. Через дом от нас жил приёмщик изделий из старого железа. Мы собирали это старое железо, сдавали ему, а на вырученные деньги ходили в кино или покупали мороженное. Один раз за железной дорогой около станции мы нашли громадную кучу этого железа. Как позже оказалось, в эту кучу свозили приёмщики уже принятое железо. Ну, мы и наловчились воровать железо из этой кучи. Хорошо было, если попадалось большое колесо с широким ободом. Главное было поставить это колесо на попу, перекатить его через железнодорожное полотно, а далее всё было просто: знай, подталкивай его, оно само катится, благо дорога к приёмному пункту, т.е. к нашему соседу шла под уклон.

Но, очень скоро наш этот бизнес, говоря современным языком, накрылся. Кучу стали охранять. И тут мы нашли новый источник наживы. Тоже за железной дорогой, но примерно в пятистах метрах от неё, на возвышении, стояло одинокое длинное одноэтажное здание. Мы «надыбали», что это здание - заводской цех, в котором вытачивают детали из цветных металлов (латуни, бронзы). Здание начиналось с широких ворот, через которые заезжали в цех даже грузовые машины. За воротами сначала было небольшое помещение, типа предбанника перед баней. И вот в этом небольшом помещении стоял ларь, в который складывались обрезки из цветных металлов после выточки из них деталей. Мы много раз воровали эти цветные обрезки. И до поры до времени, нам сходило это с рук. Но вот однажды, уже вчетвером, мы снова пошли на дело. К нам присоединился сын приёмщика. Выдвинулись на позицию, на край небольшой ямы, в ста метрах от цеха. Немного понаблюдав, двинулись к цеху. Первая ходка оказалась успешной. Никто нас не заметил. Тут бы и двинуться домой, но нам захотелось большего. Припрятав, уже принесённый металл, на дне ямы, мы двинулись вторично к цеху, вторично попытать счастья.

Вторичная ходка была, как нам сначала показалось, тоже успешной.

Отдохнув на краю ямы и собрав металл в рубахи, мы довольные двинулись к железной дороге. И тут кто-то из нас оглянулся. Прямо из дверей цеха выскочил человек на велосипеде и устремился в погоню за нами. Тут мы изо всех сил припустились бежать, роняя на бегу сворованный металл. Я шёл впереди и позднее всех заметил угрозу. Сын приёмщика, когда мы шли на дело, хромотал, у него болела нога. Смотрю, он пулей промчался мимо меня, забыв про свою больную ногу. Тут же мимо меня проскочили и два брата. И только тут до меня дошло, что за нами погоня. И я тоже включился в бег. А велосипедист, вот он уже почти рядом. Но, вот железная дорога.

Велосипедисту пришлось спешиться. Тут мы опять немного от него оторвались. За железной дорогой находился элеватор, огороженный высоким забором. По дорожке вдоль этого забора параллельно железной дороге мы и бежим. Впереди в метрах пятидесяти сын приёмщика, за ним в метрах двадцати два брата, а за ними уж я. Велосипедист перебрался через железнодорожное полотно и снова набрал ход. Я от него в метрах 150-200. И тут забор, вдоль которого мы бежали, на 90 градусов поворачивает вправо, перпендикулярно железной дороге. Поворачивает и дорожка. Мои партнёры поворачивают за угол забора, и я их пока не вижу. Когда я тоже добежал до поворота забора, и повернул за угол, то к моему большому удивлению, я не увидел своих поделщиков. Они, как будто, провалились сквозь землю. Уже после я понял, куда они исчезли. Забор метров через 50, снова поворачивал, а его продолжением была изгородь, за которой росла картошка. А дело было в сентябре. И вот мои друзья по несчастью и сиганули через изгородь в ботву картошки. Пока я удивлялся, велосипедист стал догонять меня. Я прибавил ходу и успел добежать до машин, которые привезли зерно на элеватор и ждали, когда зерно возьмут на анализы. Велосипедист снова спешился, и мы стали "играть" с ним в догонялки между машинами. В метрах 150 были огороды, огороженные изгородью.

Улучшив момент, я кинулся к этим огородам. Успев пробежать до спасительной изгороди, я не успел перепрыгнуть через неё. На этой изгороди и сцапал меня неугомонный велосипедист. Не слезая с велосипеда, он стал меня сажать на раму. Я уже совсем выдохся и не оказывал ему никакого сопротивления. Ну и он тоже потерял бдительность и расслабился. И тут помимо своей воли, видимо, сыграл инстинкт самосохранения, я вырвался и мгновенно перемахнул через изгородь. Велосипедисту не оставалось ничего, как, «несолоно хлебавши», уехать. Но, на обратном пути, он ещё долго гонялся за моими друзьями, которые стали выходить из своих укрытий, посчитав, что опасность быть пойманными миновала. Но и они избежали позора. Через некоторое время мы все собрались на бане в нашем дворе и переживали случившееся с нами. Это был для нас всех хороший урок: брать чужое до добра не доведёт. Конечно, мы были не ангелы. Но с годами, умнели, и старались не участвовать в сомнительных мероприятиях.

Литературный клуб Исеть

<http://literklubisety.ucoz.com/>

2016